

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 12

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 26-го марта 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 26 (конецъ IX т.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ . . .	6.50 р.	Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровский линіи . . .	7р.25к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. «ОБРАЗОВАНИЕ», Рашельевская, 12. . .	7р.50к.	Съ достав-кою въ Пе-тербургъ . . .	7.50 р.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . .	8 р.	За гра-ницу. . .	12 р.
-------------------------------------	----------------	---	----------------	--	----------------	------------------------------------	----------------	---	-------------	------------------	--------------

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ дост. въ СПБ. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СПБ. 2 р., съ перес. иногор. 2 р.

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

За бутылкой время летитъ быстро, и былъ уже восьмой часъ вечера, когда Павелъ Ивановичъ заявилъ, что онъ желаетъ развлеченій. Въ городѣ въ это время давалъ представленіе какой-то циркъ, и они втроемъ, на лихачѣ Павла Ивановича, отправились туда. Тамъ они взяли ложу, ходили въ конюшни, причемъ Павелъ Ивановичъ признавался въ любви разнымъ наѣзднямъ; нѣсколько разъ спотыкался и падалъ; кормилъ лошадей сахаромъ; проѣзъ въ обручъ, оклеенный папиросной бумагой, причемъ совсѣмъ на сторону сдвинуть свой парикъ. Требовалъ въ уборныя шампанскаго и заявлялъ, что онъ никогда отсюда больше не уйдетъ.

И тутъ-то вотъ ихъ и накрылъ Егоръ Капитоновичъ Курманаевъ. Обратившись къ содѣйствию полиціи, онъ попросилъ, «какъ-нибудь безъ огласки», водворить дворянина Воротникова, разыскиваемого имъ по порученію его матери, въ занимаемый тѣмъ номеръ гостиницы.

— А этого «пузатаго» дѣвать куда угодно. — добавилъ онъ, указывая на Чибисова.

Но бывший случайно въ циркѣ помощникъ полицеймейстера хорошо зналъ Навла Ивановича и потому, съ особой предупредительностью, самъ довелъ его уже совсѣмъ спящаго до гостиницы «Римъ» и сдалъ съ рукъ на руки швейцару и пріѣхавшей съ Павломъ Ивановичемъ его домашней прислугѣ.

Воротникова же пришлось доставлять туда самому Курманаеву, и это удалось сдѣлать не безъ труда. Онъ категорически заявлялъ, что «не хочетъ къ маменькѣ», и даже грозился побить «шпіоновъ», какіе-то ему мерещились теперь въ лицѣ Курманаева и почему-то даже Юнашова.

Сестры. Картина Паприца, арт. «Нивы».

Но, наконецъ, удалось уломать и его и водворить на мѣсто жительства, предварительно давъ честное слово, что въ «Римѣ» нѣтъ никакой маменьки, что она далеко, въ «Большихъ Воротникахъ».

XXVII.

Юрія Андреевича Лыкошина перевезли на дачу къ Полтининымъ. Весь день и послѣдовавшую за нимъ ночь онъ былъ въ безпамятствѣ. Но на утро пришелъ въ себя, вспомнилъ, что онъ боленъ, и понялъ, гдѣ онъ.

Возлѣ него дежурилъ Никеша Слюзинъ. Онъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— А гдѣ письмо?

— Какое письмо? — тихо спросилъ Никеша, еще не зная, бредить больной или нѣтъ.

— Твое письмо, которое ты мнѣ написал! — ясно выговорилъ Лыкошинъ, впервые обращаясь къ Никешѣ на «ты».

— Не знаю, Юрій Андреевич! — отвѣтилъ тотъ.

— Поищи въ моемъ сюртукѣ, въ боковомъ карманѣ.

Никеша всталъ и принялся обыскивать карманы висѣвшаго на стѣнѣ сюртука. Въ одномъ изъ нихъ онъ нашелъ свое письмо и подалъ больному.

Юрій Андреевичъ хотѣлъ-было его читать, но не могъ.

— Спрячь его! — сказалъ онъ, возвращая Никешѣ письмо. — Спрячь! Это хорошее письмо. Оно заставитъ меня жить. — Потомъ, помолчавъ немного, опять спросилъ: — А Людмила гдѣ?

— Она тамъ у себя внизу. Она до разсвѣта не спала, около васъ сидѣла. А потомъ меня разбудила. Я тоже здѣсь ночевалъ, — рассказывалъ Никеша.

Тихо скрипнула дверь, и голова Людмилы показалась изъ-за нее.

— Что? — шопотомъ спросила она Никешу.

— Войдите, — отвѣтилъ за него Лыкошинъ.

Она быстро вошла и остановилась у кровати. Лыкошинъ протянулъ ей руку. Людмила сдержанно, но съ чувствомъ пожала ее.

— Спасибо! — тихо заговорилъ онъ. — Я все письмо читалъ и третьяго дня, и вчера, и ночью въ бреду — все время читалъ.

— Не говорите много. Спите лучше! — остановила его Людмила.

— Нѣтъ, я еще разъ хочу прослушать письмо, — запротестовала больной.

— Какое письмо? — спросила Людмила у Никешы.

— А вотъ то, что я ему отъ васъ писалъ.

— Хорошее письмо, большое! — уже съ закрытыми глазами проговорилъ больной.

— Гдѣ оно? Дайте мнѣ его, — сказала Людмила.

И Никеша подалъ ей письмо.

Людмила развернула письмо и стала читать его. Оно было коротенькое — всего нѣсколько фразъ:

«Милый Юрій Андреевичъ! Пріѣзжайте скорѣй. Она васъ любить. Давно и сильно любить. Теперь все ясно и хорошо. Она сама мнѣ приказала написать это. Какая она чудная! И вы — тоже! Оба — милые! Какъ хорошо теперь! Пріѣзжайте! Никеша», — прочитала Людмила и взглянула на стоявшаго возлѣ кровати Никешу.

«Милый, милый и онъ», — подумала она про него.

А потомъ, переведа глаза на Лыкошина, мысленно заключила: «А этого — люблю! Страстно люблю!»

Блѣдное, исхудалое, но красивое лицо Юрія Андреевича выдѣлялось на фонѣ бѣлыхъ подушекъ. Его кудреватые, темно-русые волосы спутались на лбу. Красивый, съ легкой горбинкой носъ сталъ какъ будто немного больше. Ротъ, обрамленный молодой, еще рѣдкой бородкой и усами, былъ полуоткрытъ. Губы запеклись.

Она смотрѣла на него и думала, что вотъ онъ сейчасъ попроситъ пить.

И дѣйствительно, больной тихо прошепталъ:

— Пить!

Никеша подалъ ему хрустальную кружку съ лимон-

нымъ питьемъ, а Юрій Андреевичъ сдѣлалъ два-три глотка, потомъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на Людмилу и сказалъ:

— Милая! Я тебя люблю!

— И я тебя люблю! — слегка дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила Людмила.

И въ комнатѣ стало тихо. Только муха жужжала и билась за занавѣской одного изъ оконъ.

Гдѣ-то внизу раздался лай собаки, и Людмила слышала звукъ экипажа, подѣхавшаго къ крыльцу.

— Это докторъ, — прошептала она. — Я пойду внизъ, къ нему навстрѣчу.

И затѣмъ, наклонившись надъ Лыкошинымъ, осторожно поцѣловала его въ лобъ.

— Милая! — повторилъ онъ, не шевелясь и не открывая даже глазъ.

Людмила вышла.

Никеша стоялъ возлѣ окна. На глазахъ у него были слезы.

Спустившись внизъ, Людмила встрѣтила доктора Струмилова, а съ нимъ еще другого доктора, пожилого уже челоуѣка, лучшаго врача въ городѣ. Она молча поздоровалась съ ними.

— Ну, какъ больной? — спросилъ Струмиловъ.

— Не знаю. Теперь пришелъ въ сознание, а всю ночь бредилъ. Подите къ нему.

Доктора пошли наверхъ, а Людмила прошла въ свою комнату, сѣла передъ письменнымъ столомъ и заплакала.

Еще кто-то подѣхалъ къ крыльцу. Людмила слышала это, но не пошевелилась.

Вошла горничная и доложила, что пріѣхали Ахмаровъ и Сусленковъ.

— Скажите, чтобъ проводили къ Ларіону Семеновичу, — сказала Людмила и добавила: — А я сейчасъ выйду.

Минуть черезъ десять она вошла въ кабинетъ отца. Тамъ сидѣли губернской «passe par tout» и молодой купчикъ изъ современныхъ.

— А мы къ вамъ, Людмила Иларіоновна! — бросаясь къ ней навстрѣчу, громко проговорилъ Ахмаровъ.

— Да, да! Или, вѣрнѣе, за вами даже! — зашамкалъ на гнилыхъ зубахъ Сусленковъ.

И они оба, перебивая другъ друга, стали говорить ей, что нужно сейчасъ ѣхать въ городъ, осмотрѣть приготовления къ народному гуляню, рѣшить: кто, въ какомъ кіоскѣ и чѣмъ будетъ торговать, провѣрить вещи, присланныя для лотереи; стовориться съ музыкантами...

— Однимъ словомъ, масса дѣла! Масса дѣла!

Людмила выслушала все это молча и вдругъ твердо сказала:

— Господа! Я вношу еще тысячу рублей, но передайте Еленѣ Антоновнѣ, что отъ всякаго участія и распоряженія отказываюсь.

— Какъ отказываетесь? — вскрикнули оба гостя. — Да это невозможно! Безъ васъ никакъ нельзя! Что вы говорите! Безъ васъ праздникъ не въ праздникъ! — затараторили они, перебивая другъ друга.

— Что же дѣлать? — остановила ихъ Людмила: — но я рѣшительно не могу принять никакого участія.

— Да почему же? — спросилъ, чуть не плача, Сусленковъ.

И Людмила, попрежнему, твердо отвѣтила:

— Мнѣ не до гулянья, господа. У меня женихъ лежитъ при смерти.

— Людмила! Что ты сказала? — вскрикнулъ Ларіонъ Семеновичъ, вскакивая съ кресла, на которомъ онъ передъ этимъ сидѣлъ молча.

— Да, отецъ! — отвѣтила Людмила, повернувшись къ нему. — Но мы съ тобой объ этомъ поговоримъ послѣ.

Ахмаровъ и Сусленковъ стояли, разиня ротъ.

А Людмила, сдѣлавъ имъ общій поклонъ, повернулась и вышла изъ кабинета.

Ларіонъ Семеновичъ бросился за нею.

— Людмила! Но что ты сказала? — повторилъ онъ, хватая ее за руку въ гостиной.

Людмила взяла его руку и нѣжно поцѣловала.

— Послѣ объ этомъ, папа, послѣ, — сказала она и пошла дальше.

Она шла навѣрхъ. Возлѣ комнаты больного она встрѣтила обоихъ докторовъ.

— Ну, что? — тихо спросила она.

— Да что! — отвѣтили ей старый докторъ. — Дѣло, конечно, очень серьезное, крупозное воспаленіе легкихъ, и все это у него на нервной почвѣ, знаете. Организмъ потрясенъ очень и истощенъ. Ну, да молодость за него, а молодость лучше всякаго доктора. Вотъ Никонъ Парменовичъ будетъ его лѣчить, а я — навѣщать время отъ времени, если позволите.

— Очень прошу, докторъ! Очень! А можно мнѣ къ нему сейчасъ? — спросила Людмила.

— Можно, ничего! Мы его малость подбодрили.

Людмила пожала докторамъ руки и вошла къ больному. Увидѣвъ ее, Юрій Андреевичъ ласково улыбнулся и вдругъ спросилъ:

— А что, Воротниковъ дѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Дѣлалъ, — улыбаясь, отвѣтила Людмила.

— Я такъ и зналъ! Влюбился, значитъ.

Людмила что-то хотѣла ему сказать, но дверь отворилась, и въ комнату на цыпочкахъ вошелъ Ахмаровъ.

— Можно къ вамъ, Юрій Андреевичъ? Я на минуточку! Я только на одну минуточку! — зашепталъ онъ.

Людмила нахмурилась и хотѣла-было сейчасъ же выпроводить непрошеннаго гостя, но Лыкошинъ сказалъ:

— Можно. Войдите! — и даже протянулъ Ахмарову руку. — Ну, что новаго? — спросилъ онъ. — Вы, вѣдь, всѣ новости знаете.

— Да что новаго? Новаго у насъ ничего. Вотъ Константинъ Федоровичъ Воротниковъ загулялъ у насъ.

— Какъ загулялъ? — спросилъ больной.

— Да запилъ, совсѣмъ, какъ слѣдуетъ! Цѣлый день сидить въ ресторанѣ «Бельведеръ» и пить, не унимаясь.

— Съ чего это онъ?

— Да, говорить, съ горя. «Съ горя, говорить, пью».

— А онъ закусываетъ?

— Т. е., что вы спрашиваете? — не понимая Ахмаровъ Лыкошина.

— Я спрашиваю, когда онъ пьетъ, такъ закусываетъ? — повторилъ больной свой вопросъ.

— Да, да! Закусываетъ. Все время ѣсть что-нибудь!

— Когда человѣкъ пить съ горя и при этомъ закусываетъ, то это не опасно. Горе, значитъ, не велико! — пояснилъ Юрій Андреевичъ и закрылъ глаза.

Ахмаровъ хотѣлъ-было захихикать, но Людмила сдѣлала ему знакъ, что «довольно, дескать, пора и уходить», и губернской сплетникъ, почтительно раскланявшись съ ней, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

А Людмила осторожно опустилась на стулъ возлѣ кровати больного.

XXVIII.

Страданье Константина Федоровича Воротникова начались еще задолго до его пробужденія. Сонъ его передъ утромъ перешелъ въ какое-то бредовое состояніе. Онъ началъ метаться на своей кровати и стонать. Дышать ему было тяжело, грудь что-то давило. Ему и хотѣлось проснуться, и въ то же время онъ страшно боялся этого. Что-то жуткое надвигалось на него со всѣхъ сторонъ.

Но вотъ онъ открылъ глаза и испугался. Сердце его мучительно заныло; голову словно стискивали какими-то тисками. Болѣли плечи и все тѣло было покрыто холоднымъ потомъ.

— Боже мой! Боже мой! Боже мой! — съ ужасомъ прошепталъ онъ. — Что я надѣлалъ! Что я надѣлалъ!

Ему казалось, что онъ совершилъ что-то ужасное, позорное, чему нѣтъ и не можетъ быть искупленія. Ему казалось, что все для него погибло и самъ онъ безвозвратно погибъ.

— Боже мой! Боже мой! Боже мой! — беспомощно повторялъ онъ, лежа на кровати, боясь шевельнуться, чтобы не усилить головную боль.

Ему хотѣлось плакать, но плакать онъ не могъ, а только по временамъ жалко, какъ-то по-дѣтски, принимался хныкать.

Что бы онъ далъ — кажется, полжизни не пожалѣлъ бы, — чтобы не было того, что произошло съ нимъ. Онъ лежалъ и не зналъ, что ему дѣлать теперь, не понималъ, чего ему хотѣлось, и все только твердилъ:

— Боже мой! Боже мой! Боже мой!

Подвернись ему теперь подъ руку револьверъ, онъ могъ бы, кажется, застрѣлиться. Время не шло, все застыло вокругъ него. Застылъ и уличный шумъ, доносившійся сквозь открытое окно, застыли и чьи-то шаги въ коридорѣ; застылъ и этотъ стукъ въ дверь. Онъ слышалъ, что кто-то стучится къ нему, но давно ли это было, сейчасъ ли только стучать или еще будутъ стучать — онъ не сознавалъ.

Но вотъ за перегородкой раздались шаги и чей-то голосъ, а вотъ и Николай Васильевичъ Топольевъ стоитъ возлѣ его кровати и какъ-то странно смотритъ на него.

— Ну, что? — спросилъ Топольевъ.

Воротниковъ ничего не отвѣтилъ.

— Скверно, небось?

— Ужасно! — наконецъ, едва рѣшился выговорить Константинъ Федоровичъ.

— Да, братъ, скверно! Да ты не унывай! Все пройдетъ! Нѣтъ такого похмелья, которое бы не прошло.

— Ужасно! — повторилъ Воротниковъ.

— А ты вотъ что, — продолжалъ Топольевъ. — Ты встанька! Умойся хорошенько, да напейся крѣпкаго чаю съ лимономъ. Я сейчасъ къ тебѣ коридорнаго позову.

И Николай Васильевичъ надавилъ кнопку электрическаго звонка.

Константинъ Федоровичъ сдѣлалъ попытку приподняться, но его всего такъ закачало, что онъ опять упалъ на подушки. Топольевъ помогъ ему встать.

— Охъ! Охъ! — стоналъ Воротниковъ, едва передвигая ноги.

— Да, братъ! Сильно ты переложилъ! Ну, да съ тобой-то еще ничего, а вотъ если-бъ ты зналъ, что съ Павломъ Ивановичемъ дѣлается! Тамъ докторъ возлѣ него сидитъ. Ну, умывайся.

Константинъ Федоровичъ началъ умываться. Но только онъ наклонился надъ тазомъ, какъ припадокъ страшнаго кашля началъ душить его.

— Это, братъ, называется борьба дворянина съ умывальникомъ! — острилъ Топольевъ, заваривая чай. — Ну, вотъ что! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Воротникову, вышедшему изъ-за перегородки съ полотенцемъ въ рукахъ. — Я сегодня вечеромъ уѣзжаю. Хочешь съ нами?

— Да скажи, какъ ты сюда попалъ? — спросилъ вдругъ Константинъ Федоровичъ.

— Да пріѣхалъ женину кухню встрѣчать. Ну, да еще, кромѣ того, дѣлишки были. Она вотъ черезъ часъ должна пріѣхать, а съ вечернимъ парходомъ мы съ ней и отправимся.

— Ну, а Чибисовъ какъ? И притомъ, кажется, и Курманаевъ здѣсь?

— А этихъ твоя маменька командировала, чтобы блуднаго сына отыскивать.

При напомниманіи о матери, Константинъ Федоровичъ опять схватился за голову и застоналъ:

— Боже мой! Боже мой! Боже мой!

— Такъ вотъ я и говорю, — продолжалъ Топольевъ: — не хочешь ли ты съ нами, т. е. со мной и съ кухней

Богоматеръ съ Младенцемъ. Картина П. Тумана, авт. «Нивы».

Ангель Благовѣстія. Картина Г. Райланда, авт. «Нивы».

сегодня вечеромъ домой ѣхать? Я бы сейчасъ телеграмму далъ насчетъ высылки твоихъ лошадей.

— Хорошо, поѣдемъ!—согласился Константинъ Федоровичъ.

И Тополевъ, сказавъ ему, что онъ сейчасъ отправляется на вокзалъ встрѣчать кузину и послать телеграмму, оставилъ его одного.

Константинъ Федоровичъ выпилъ стаканъ чаю, потому дрожавшими руками налилъ себѣ другой и прилегъ на диванъ.

Теперь уже онъ вспоминалъ минувшее, вспоминалъ съ ужасомъ и почти съ отвращеніемъ. Любовь къ Людмилѣ у него какъ-то сразу прошла и замѣнилась чуть не ненавистью, потому что именно ее считалъ онъ виновницей всего происшедшаго, а происшедшее ему казалось такимъ гадкимъ, что ему даже стало жаль самого себя.

«Домой! Работать!»—думалъ онъ.

Но къ маменькѣ ему тоже ѣхать не хотѣлось, и онъ даже соображалъ, не поѣхать ли ему прямо въ Малые Воротники и тамъ, въ полномъ одиночествѣ, усиленно работать, придти въ норму.

— Ахъ, только бы въ норму придти!—шепталъ онъ.— Только бы выйти изъ этого ужаснаго состоянія!

Но ему казалось, что никогда, никогда больше онъ не вернетъ своего прежняго настроенія духа, что теперь уже всегда онъ будетъ томиться въ этомъ страшномъ похмельѣ.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ я это надѣлалъ? Боже мой! Боже мой! Боже мой!—раскаивался и мучился онъ.

Такъ прошло часа два. Самоваръ давно остылъ, но Константинъ Федоровичъ еще съ большимъ удовольствіемъ пилъ холодный чай.

Но вотъ въ коридорѣ послышался звонкій голосъ Тополева и шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

«Это, вѣроятно, онъ съ кузиной съ вокзала пріѣхалъ»,—подумалъ Константинъ Федоровичъ и сталъ соображать: можетъ ли онъ въ такомъ видѣ встрѣтиться съ молодой и незнакомой ему дѣвушкой и не лучше ли ему ѣхать домой одному на какомъ-нибудь другомъ пароходѣ.

Но вотъ, Тополевъ опять вошелъ къ нему въ номеръ, веселый, свѣжій, сіяющій. Воротникову завидно было смотрѣть на него.

— Костя, будешь съ нами завтракать? Мы сейчасъ внизъ, въ ресторанъ идемъ!—спросилъ Николай Васильевичъ.

— Нѣтъ, не могу!—угрюмо отвѣтилъ Константинъ Федоровичъ.—Мнѣ и ѣсть-то ничего не хочется!

— Ну, какъ знаешь! А ѣдемъ мы съ шестичасовымъ пароходомъ. Ты, вѣдь, готовъ?

— Видишь ли; я боюсь...—началъ Воротниковъ.

— Чего боишься?—удивился Николай Васильевичъ.

— Да какъ я въ такомъ видѣ твоей кузинѣ представлюсь?

— Ну, вотъ вздоръ какой! Видь, какъ видь! Поприпухъ малость, это дѣйствительно, ну, да на воздухѣ пройдетъ! Ну, а она, братъ, дѣвушка умная, на такой вздоръ и вниманія не обратитъ и никакихъ отъ тебя услугъ не потребуетъ.

— Хорошо! Къ шести часамъ я буду готовъ,—согласился Воротниковъ.

Ему и самому ужасно хотѣлось поскорѣй уѣхать отсюда домой, только не въ Большіе, а въ Малые Воротники.

Когда Николай Васильевичъ отъ него ушелъ, онъ съ трудомъ поднялся съ дивана и, медленно шаркая ногами, опять перебрался къ себѣ за перегородку, легъ на постель и вскорѣ уснулъ.

Проспавъ часа три, Константинъ Федоровичъ проснулся уже болѣе оswѣжившіяся. Онъ посмотрѣлъ на часы: было ровно четыре. Тогда онъ позвонилъ человѣка, сказалъ, чтобъ ему подали счетъ и попросилъ уложить его чемоданъ.

Въ пять часовъ онъ ужъ поѣхалъ на пристань, попросивъ швейцара сообщить объ этомъ господину Тополеву. Занявъ на пароходѣ каюту, онъ вышелъ на галерею и сталъ смотрѣть на Волгу.

Невдалекѣ отъ него какой-то пассажиръ сидѣлъ за столикомъ и ѣлъ крошку.

Это возбудило у Константина Федоровича аппетитъ, и онъ приказалъ дать себѣ тоже крошки.

— А какой водки прикажете подать?—спросилъ официантъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Никакой водки не надо!—почти съ ужасомъ закричалъ онъ, чувствуя, какъ его всего перерудило при одной мысли о водкѣ.

— Ну, вотъ и Костя!—весело крикнулъ Николай Васильевичъ Тополевъ, появляясь на галереѣ, въ сопровожденіи высокой и очень стройной дѣвушки.

Воротниковъ поднялся со своего мѣста.

— Ну, вотъ позвольте васъ познакомиться: Константинъ Федоровичъ Воротниковъ—Ольга Сергѣевна Каменская.

Дѣвушка протянула Воротникову руку. Тотъ только слегка прикоснулся къ ней своей рукой. Онъ вскользь взглянулъ на Каменскую и успѣлъ замѣтить, что она брюнетка съ красивыми и очень правильными чертами лица, съ нѣсколько смугловатымъ, но здоровымъ цвѣтомъ кожи, со спокойными, большими черными глазами.

Странное сходство поразило его: Ольга Сергѣевна чрезвычайно походила на портретъ его матери, писанный съ нея еще въ молодости, и сходство это было не столько въ чертахъ лица, а въ самомъ выраженіи его. И онъ не утерпѣлъ и сказалъ ей это.

Каменская сдѣлала легкій поклонъ и проговорила ровнымъ, груднымъ голосомъ.

— О, это мнѣ пріятно!

— А ты крошку ѣшь?—вмѣшался въ ихъ разговоръ Тополевъ.

— Да, вотъ, крошку,—отвѣтилъ, опять присаживаясь къ столу Константинъ Федоровичъ.

— Какая красота!—сказала Каменская, любясь разстилавшейся передъ ней рѣкой.

— А вы въ первый разъ на Волгѣ?—спросилъ ее Воротниковъ, почувствовавъ себя почему-то необычайно ловко съ этой дѣвушкой.

— Да, въ первый, но уже давно мечтала о ней,—отвѣтила она.

— А ты знаешь, Костя, что Егоръ-то Капитоновичъ выкинулъ?—вмѣшался опять Тополевъ.

— Ну?

— Можешь себѣ представить, остался при Павлѣ Ивановичѣ? Говоритъ «вотъ въ чемъ дѣло, того...» нельзя же больного старика одного покидать.

— О?—удивился Костя.—Да что-жъ такое съ Павломъ Ивановичемъ-то?

— Да плохо. Что-то въ родѣ «кондрашки».

Воротниковъ даже вздрогнулъ и слегка поблѣднѣлъ: вчерашнее безпутство опять вспомнилось ему.

Пароходъ, въ это время, далъ уже третій свистокъ и тихо отвалилъ отъ пристани.

Воротниковъ покончилъ со своей крошкой и сидѣлъ рядомъ съ Ольгой Сергѣевной. Она разспрашивала его о Волгѣ, о разныхъ постройкахъ, видѣвшихся на берегахъ. Онъ давалъ ей объясненія и чувствовалъ, что ему становится все легче и легче, а главное дѣло, такъ удобно было говорить съ этой дѣвушкой.

— А это что за палатка?—спросила она, когда пароходъ несся мимо дачи купца Полтинина.

— Это—палатка питей, стиль—распивоchno и на выность,—повторилъ Воротниковъ остроу доктору Лыкошина.

Тополевъ лукаво улыбнулся: онъ уже зналъ о неудачномъ романѣ своего друга съ Людмилой Полтининной. Не даромъ же онъ сегодня утромъ два раза встрѣтился съ Ахмаровымъ.

А Воротниковъ смотрѣлъ на полтининскую дачу и думалъ:

«Это былъ какой-то сонъ, кошмаръ! Ужасъ какой-то!»

И вдругъ ему вспомнились слова Лыкошина: «Она вамъ душу наизнанку вывернетъ».

«И вывернула!—думалъ про себя Воротниковъ.—Вывернула и ушла»... «Тутъ влюбитесь, а въ другомъ мѣстѣ гдѣ-нибудь женитесь»,—онякъ вспоминались ему слова Лыкошина.

И онъ посмотрѣлъ на свою сосѣдку.

«А что, если докторъ и въ этомъ правъ?»—мелькнула у него въ головѣ мысль.

А Ольга Сергѣевна продолжала уже его разспрашивать о разныхъ поселкахъ, разбросанныхъ то тамъ, то сямъ по берегамъ Волги.

— А вы не боитесь деревни?—спросилъ онъ ее.

— Деревни? Боюсь? Чего же ее бояться? Я родилась и выросла въ деревнѣ и люблю ее, — совсѣмъ просто отвѣтила она.

— Гдѣ именно?

— Въ Калужской губерніи, на берегу рѣки Тарусы. У моего отца было тамъ небольшое имѣніе, и мы каждое лѣто жили въ деревнѣ, пока все не было продано.

«Стало-быть, она бѣдная». — подумалъ Воротниковъ. И это ему почему-то понравилось.

Затѣмъ они заговорили о русскомъ мужикѣ. Ольга Сергѣевна говорила очень просто и ясно, безъ всякой сентиментальности, но и безъ брезгливости.

— Мой отецъ,—сказала она:—любилъ повторять двустихіе Толстого:

«Коль мужикъ не пропѣеть урожаю,
Я тогда мужика—уважаю».

— Да, это совершенно вѣрно, — подтвердилъ Воротниковъ.

А Николай Васильевичъ смотрѣлъ на нихъ, слушалъ ихъ бесѣду и какъ-то загадочно улыбался.

Начинало вечерѣть. Тополевъ и Каменская пообѣдали и теперь опять съ Воротниковымъ сидѣли на галлерей и тихо бесѣдовали.

— Боже мой, какъ хорошо!—время отъ времени говорила Ольга Сергѣевна, любящая на зажигавшуюся огоньками Волгу.

— А весной, весной здѣсь какъ чудно!—говорилъ Воротниковъ.—Съ береговъ доносится ароматъ скошенной травы, а изъ прибрежныхъ лѣсовъ и кустарниковъ такъ и льются соловьиныя пѣсни.

— Ого, Костя. Да ты поэтомъ становишься! — замѣтилъ, улыбаясь, Тополевъ.

— Здѣсь не трудно стать поэтомъ! Этакая красота!—какъ бы про себя проговорила Каменская.

— А что, Леля, сыграйте намъ что-нибудь! — попросилъ Николай Васильевичъ.

И Ольга Сергѣевна, безъ всякаго жеманства, встала и пошла въ салонъ. Оба пріятели послѣдовали за ней. Тамъ она присѣла къ піанино, взяла нѣсколько аккордовъ, какъ бы пробуя инструментъ, и затѣмъ звуки чуднаго шопеновскаго ноктюрна полились изъ-подъ ея тонкихъ пальцевъ.

Воротниковъ такъ и замеръ въ нѣмомъ восторгѣ, и ему казалось, что никогда еще онъ не испытывалъ такого тихаго, поэтическаго настроенія въ душѣ. Сердце его слегка ныло, но чувство это не было болѣзненно и мучительно. И ему хотѣлось плакать, безпричинными слезами ребенка.

XXIX.

Свѣтало, когда пароходъ подошелъ къ маленькой пристани, приткнувшейся къ нагорному берегу Волги.

Ольга Сергѣевна, Тополевъ и Воротниковъ сошли съ парохода. На берегу ждали двѣ тройки—топовевская и воротниковская. Константинъ Федоровичъ сталъ прощаться со своими спутниками.

— Къ намъ въ Пайну-то, Костя, теперь почаще заѣзжай!—говорилъ Николай Васильевичъ, обнимаясь съ товарищемъ.

— Хорошо, буду!—отвѣтилъ тотъ, пожимая руку Ольгѣ Сергѣевнѣ.

И затѣмъ, чтобы не длить этого прощанья, которое ему было неприятно, онъ быстро прошелъ по мосткамъ, поздоровался съ кучеромъ Архимомъ и сѣлъ въ тарантасъ.

Тополевъ съ Каменской оставались еще на пристани, въ ожиданіи багажа.

Крѣпкіе воротниковскіе кони ходко пошли въ гору.

— Ну, что, Архимъ, у насъ новаго?—спросилъ Воротниковъ кучера.

— Да ничего, Константинъ Федоровичъ, все по старому,—отвѣтилъ тотъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:—Вотъ, объ васъ соскучились.

Эти слова почему-то кольнули въ сердце Константина Федоровича. Онъ предвидѣлъ неизбѣжное объясненіе съ маменькой, и это мучило его.

«Нѣтъ, я завтра же въ Малыя Воротники уѣду». — въ сотый разъ рѣшалъ онъ про себя.

А въ то же время ему вспоминалась только что миновавшая ночь на пароходѣ: они всѣ трое провели ее безъ сна, сидя на галлерей, любящая Волгой и бесѣдуя между собой. Больше всѣхъ говорилъ, конечно, Тополевъ. Ольга Сергѣевна только по временамъ вставляла свои замѣчанія, и Воротникову все болѣе и болѣе нравился ея ясный, безъ всякихъ вычурностей, умъ; простота, съ которой она смотрѣла на жизнь, и какое-то отсутствіе всякаго кокетства. А, между тѣмъ, сквозь эту простоту, въ каждомъ ея словѣ, даже въ каждомъ звукѣ ея мягкаго, грудного голоса чувствовался недюжинный характеръ и рано, для ея возраста, уравновѣшенная натура.

Рядомъ съ Людмилой она, конечно, показалась бы безцвѣтной, но рядомъ ихъ и поставить было нельзя: такъ мало подходили онѣ другъ къ другу.

«А, вѣдь, этакая-то, пожалуй, и маменькѣ понравится». — думалъ иногда Воротниковъ, слушая ея дѣловитыя замѣчанія и, въ концѣ концовъ, заключилъ свое мнѣніе объ ней такими словами:

— Эта стоитъ на старомъ, прочномъ фундаментѣ, на которомъ создано много хорошаго въ русской жизни. Она по натурѣ—жена, мать и хозяйка.

И онъ вѣрно разгадалъ Ольгу Сергѣевну: именно таковою она и была. Въ душѣ ея не было мятежныхъ и бурныхъ страстей, напротивъ—ее тянуло къ себѣ все тихое, все испытанное. Въ головѣ ея не копзились «проклятыя вопросы»; она знала, что не ей разрѣшить ихъ, а потому и не задавалась ими. Бѣдность сдѣлала ее нетребовательной, а спокойная, немного холодная натура была лучшимъ стражемъ ея нравственности.

И Воротникову все это какъ-то инстинктивно нравилось. Опаленный атмосферой, окружавшей Людмилу, онъ испугался и понялъ, что не мѣсто ему тамъ, возлѣ той страстной и мятущейся души. Онъ не борець и не пловець—его тянуло къ тихой пристани. И эту тихую пристань онъ какъ-то смутно угадывалъ въ Ольгѣ Сергѣевнѣ.

И теперь онъ жалѣлъ: зачѣмъ онъ раньше не увидѣлъ этой дѣвушки. Тогда бы онъ никуда не уѣзжалъ изъ своихъ Воротниковъ и не было бы этихъ ужасныхъ дней въ его жизни.

«А что, можетъ-быть, это все такъ и нужно было,—подумалъ вдругъ онъ, сидя теперь въ своемъ тарантасѣ и покачиваясь на зыбкихъ подушкахъ.—Можетъ-быть, дѣйствительно душу-то наизнанку вывернуть надо было. Можетъ-быть, безъ той онъ не понялъ бы этой».

Несмотря на проведенную безъ сна ночь, ему и теперь еще не хотѣлось спать: нервы его были приподняты и напряжены. Какъ много впечатлѣній вынесъ

онъ за эту недѣлю, только за недѣлю! между тѣмъ, ему казалось, что прошелъ уже цѣлый годъ, какъ онъ выѣхалъ изъ дому вотъ въ этомъ же самомъ тарантасѣ. на этихъ же лошадахъ и съ этимъ же кучеромъ, Архипомъ.

— Да неужто же недѣлю? — усомнился онъ и сталъ вычислять по пальцамъ. Выходило, что сегодня шелъ одиннадцатый день: стало-быть — полторы недѣли. А, между тѣмъ, онъ словно полжизни прожилъ и возвращался онъ теперь уже не тѣмъ, какимъ уѣзжалъ отсюда. Ему было неприятно предстоящее объяснение съ маменькой, но онъ зналъ, что теперь уже ни въ чемъ не уступить ей. Онъ какъ бы подъ собой почву почувствовалъ, крѣпкій фундаментъ подъ ногами, и фундаментъ этотъ въ мысляхъ его почему-то тѣсно связывался съ тополеводской Пайной, какъ будто онъ тамъ надѣялся черпать силы для противодействия маменькиному режиму.

Константинъ Федоровичъ принялся подробно спрашивать Архипа о домашнихъ дѣлахъ. Архипъ отвѣчалъ, то и дѣло заминаясь, но изъ его словъ Воротниковъ понималъ, что всѣмъ имъ, какъ и всегда въ его отсутствие, подъ маменькиной исключительной властью, жилось туго.

Стало-быть, несмотря на всю свою слабость, онъ все таки скрашивалъ жизнь этихъ людей, и это радовало его, и онъ увѣренно, даже съ небольшою гордостью сказалъ своему кучеру:

— Погоди, Архипъ, теперь скоро все измѣнится, и вамъ всѣмъ гораздо лучше будетъ.

— Да вѣдь главная причина, Константинъ Федоровичъ, все насчетъ пищи. Ну, конечно, тоже и работой нудить, хоша мы отъ работы не отказкики, но тоже безъ толку нельзя же челсвѣка мучить, — говорилъ осмѣлѣвшій Архипъ. — Конечно, жалованье вѣрное, хошь небольшое, правда, но вѣрное, а вѣдь вотъ и то — двое ушли.

— Какъ двое ушли? — удивился Воротниковъ.

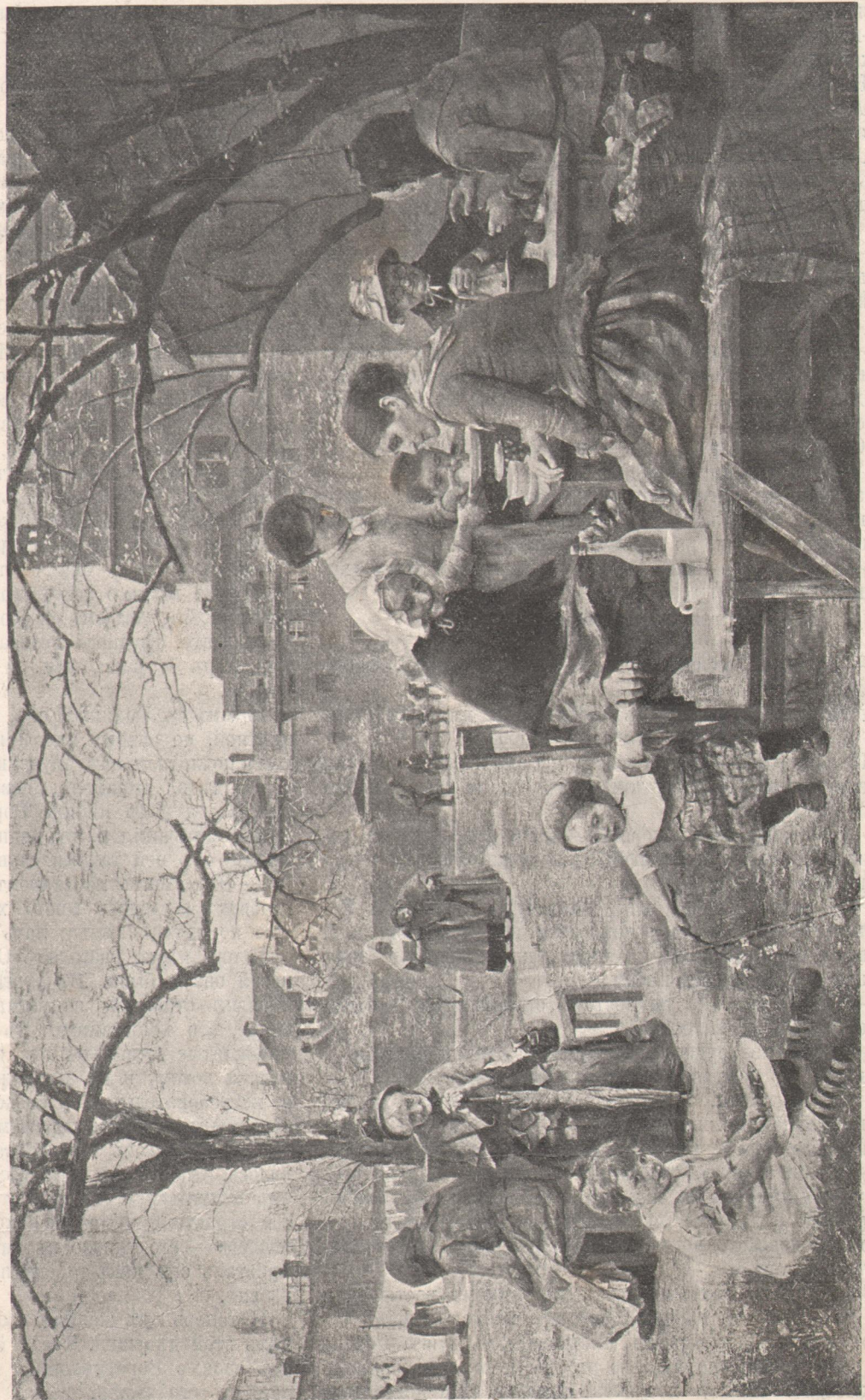
— Да такъ, Аргюшка и Степанъ. Взяли расчетъ да ушли въ городъ къ купцу Слюзину.

Константину Федоровичу эта новость была неприятна. Ушли два лучшихъ его работника, и куда же — къ купцу

Слюзину! Стало-быть, у этого кулака жизнь все-таки лучше, чѣмъ у него, просвѣщенного дворянина Воротникова.

— Ну, да погоди, — сказала онъ вслухъ: — теперь скоро все измѣню! Уходить не будете.

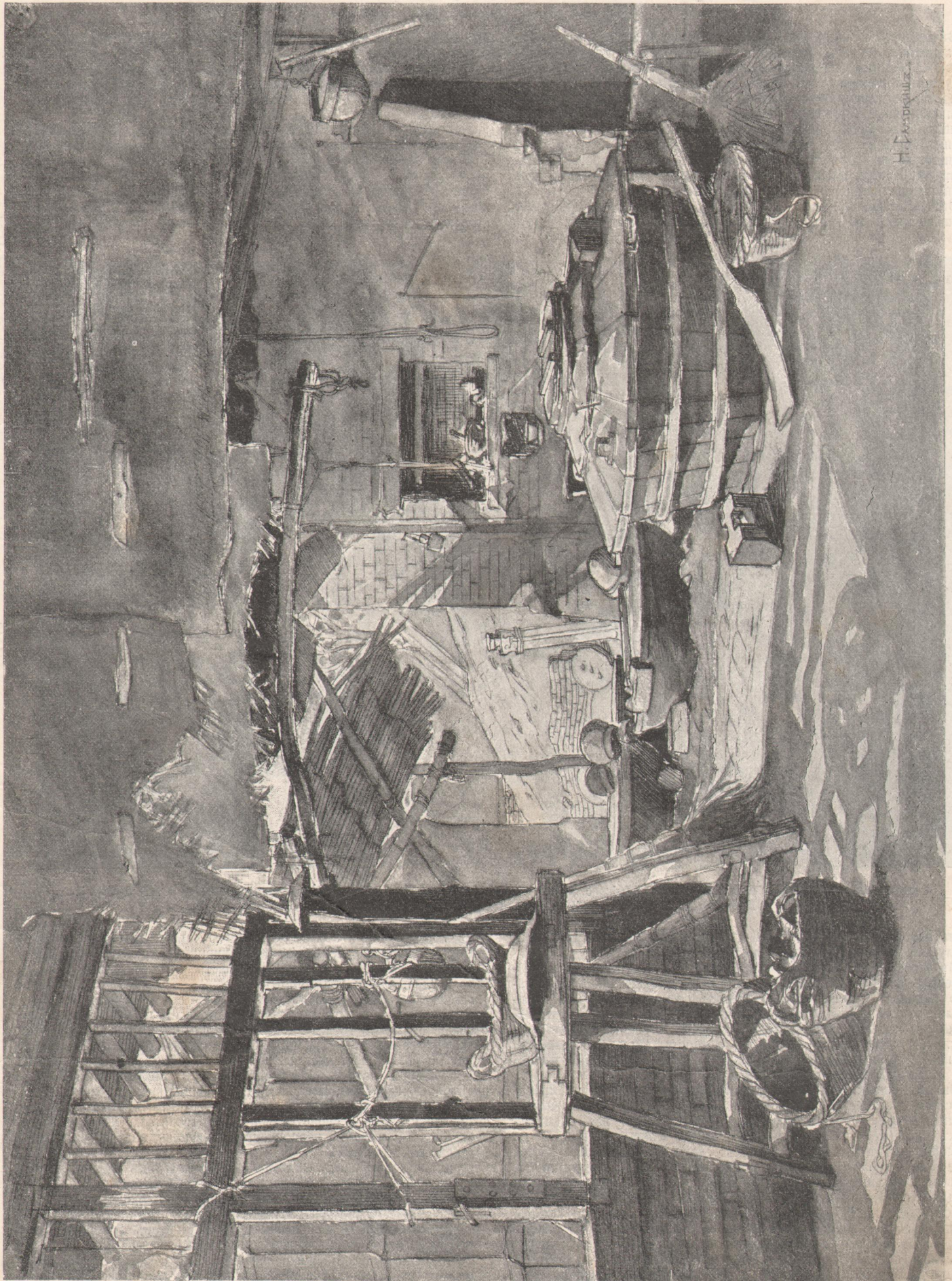
— Давай Богъ! Давай Богъ! — вздохнулъ Архипъ.

Дѣтскій садъ. Картина К. Смита, авт. «Нивы».

Въ Воротники Константинъ Федоровичъ пріѣхалъ въ восьмомъ часу утра. Когда тарантасъ остановился у подъезда, Нина Сергѣевна первая выбѣжала на крыльцо, бросилась сыну на шею и, сказавъ только: «Костенька!» — заплакала.

(Продолженіе будетъ).

Н. Г. Мухоморовъ.

Заводъ для выдѣлки ханшина (туземной водки) въ Мукденѣ. Рисунокъ нашего специального корреспондента академика Н. С. Самокиша, арт. «Нилы».

Въ гостяхъ у раненыхъ.

(Ст. 4 рис. на стр. 230, 231, 232 и 233).

Въ концѣ Фонтанки, близъ зданія Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, находится скромное бѣлое двухъ-этажное зданіе съ длинною надписью: «Эвакуаціонный имени Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны госпиталь».

Здѣсь, въ этомъ бѣломъ зданіи, нашли себѣ пріютъ жертвы нынѣшней войны. Госпиталь назначенъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ, эвакуированныхъ съ театра войны въ Петербургъ, и, такимъ образомъ, представляетъ собою одинъ изъ центровъ, гдѣ группируются въ столицѣ, въ послѣднемъ пунктѣ своего десяти-тысяче-верстнаго этапнаго пути пострадавшіе отъ японскихъ пуль и снарядовъ наши герои Дальняго Востока.

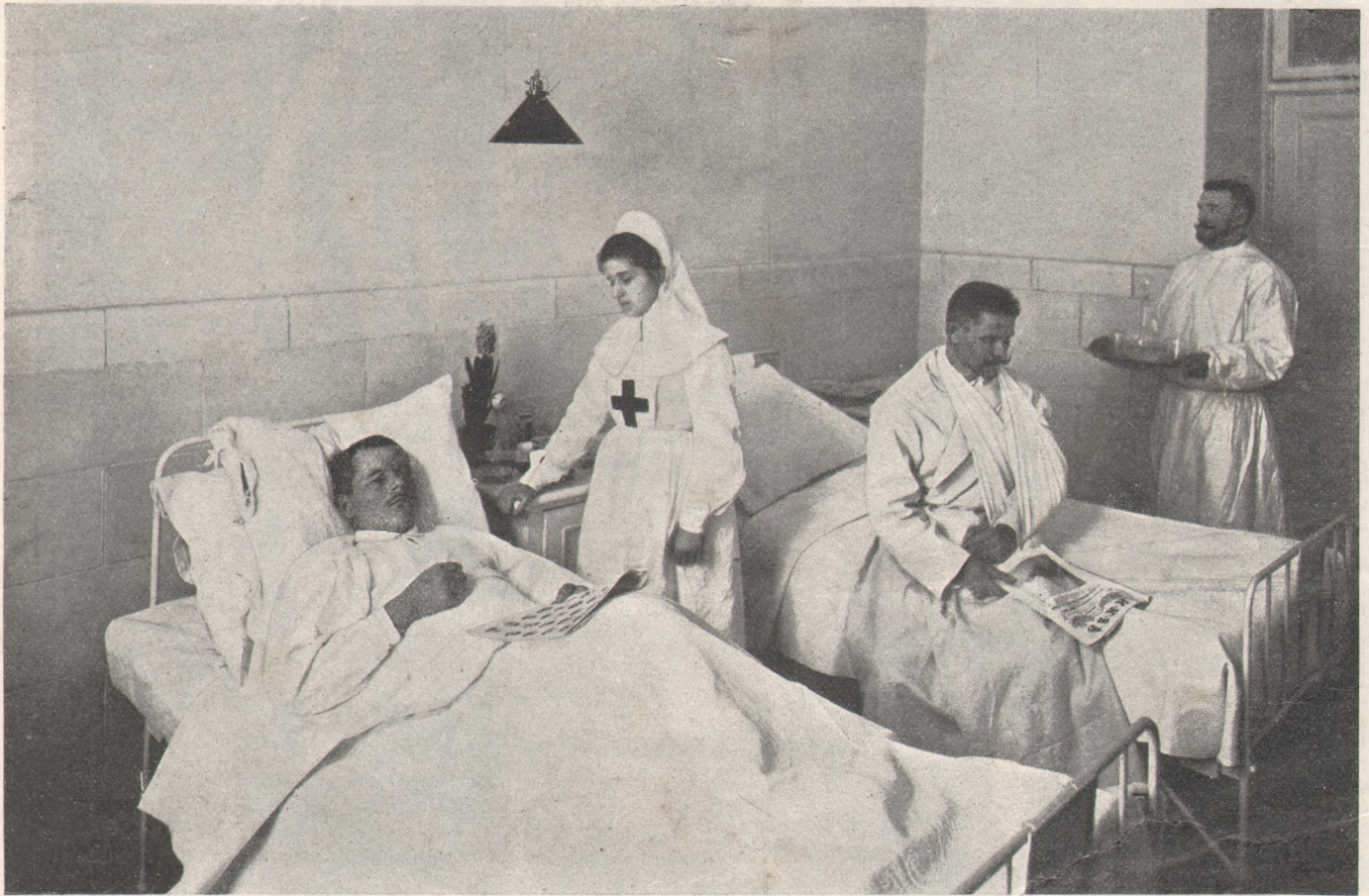
Описываемый госпиталь возникъ изъ стараго зданія существовавшаго здѣсь въ прежнее время повивальнаго института. Часть

вполнѣ готово и, вѣроятно, будетъ открыто въ самомъ непродолжительномъ времени.

Комплектъ нижнихъ чиновъ въ госпиталѣ уже почти полонъ: въ 6 отдѣленіяхъ госпиталя въ настоящее время содержится 53 нижнихъ чина. Но вполнѣ можно ожидать, чтобы комплектъ могъ быть увеличенъ до 150 колекъ.

Какъ живутъ тамъ и какъ чувствуютъ себя эвакуированные манчжурскіе стратотерпы? Каково устройство и обстановка госпиталя?

Нужно отдать справедливость устроителямъ его: они приложили много усилій къ тому, чтобы скрасить грустное существованіе «узниковъ больницы» и обставить ихъ больничную жизнь по возможности удобнѣе и пріятнѣе. Госпиталь производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своей идеальной чистотой, уютностью, удоб-

Эвакуаціонный госпиталь имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ С.-Петербурѣ. Хирургическая палатка на 2-хъ больныаъ. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

составлявшихъ этотъ институтъ зданій заново отремонтирована и послужила мѣстомъ для эвакуаціоннаго госпиталя.

Въ организаціи госпиталя, созданнаго, къ слову сказать, исключительно на частныя пожертвованія и на добротную матеріальную помощь Kaufmannовской общины сестеръ милосердія, принесло огромную пользу то обстоятельство, что нашлись готовые стѣны, и не пришлось возводить новыхъ строеній. Иначе возникли бы колоссальные расходы, а теперь оказалось возможно съ небольшими сравнительно тратами создать прекрасный пріютъ для 80 эвакуированныхъ воиновъ.

Эвакуаціонный госпиталь возникъ по инициативѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Возникъ онъ на средства, составившіяся изъ специальныхъ пожертвованій, принимавшихся въ Аничковскомъ дворцѣ. Ремонтъ и отстраиваніе старыхъ зданій повивальнаго института былъ произведенъ подъ наблюденіемъ проф. Вельяминова, а все оборудование госпиталя взяла на себя Kaufmannовская община сестеръ милосердія, снабдившая госпиталь бѣльемъ и нѣкоторымъ инымъ необходимымъ инвентаремъ. Какъ уже сказано выше, эвакуаціонный госпиталь рассчитанъ на пріемъ 80 пансіонеровъ: 25 офицеровъ и 55 нижнихъ чиновъ. Въ настоящее время онъ еще не совсемъ готовъ, хотя уже началъ съ 7-го февраля правильно функционировать. Не готово къ пріему больныхъ, собственно говоря, лишь офицерское отдѣленіе, но и то только потому, что въ отдѣленіе проникаетъ запахъ отъ кухни, и что поэтому требуется перевести кухню въ другое мѣсто. Въ отношеніи же инвентаря и обстановки офицерское отдѣленіе, въ сущности, тоже

своимъ помѣщеніемъ и особою неуловимою чертою какого-то теплаго благодущія, хорошо передаваемого нѣмецкимъ словомъ «Gemüthlichkeit». Эти качества одинаково свойственны какъ офицерскимъ, такъ и солдатскимъ отдѣленіямъ.

Посѣтитель, проникшій въ этотъ пріютъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ Дальняго Востока, прежде всего попадаетъ въ офиціальное отдѣленіе госпиталя: канцелярію и пріемную съ церковью, непосредственно примыкающая къ офицерскому отдѣленію. Пріемная, скромно обставленная вѣнскою гнutoю мебелью, соединяется широко раздвигающимися дверьми съ небольшою, еще не оконченною отдѣлкою, церковью. Церковь миниатюрна, но производитъ очень пріятное впечатлѣніе своимъ бѣлымъ иконостасомъ, свѣтлыми стѣнами и свойственной всему госпиталю изумительной чистотой. На стѣнахъ — небконченная живопись, надъ которой работаютъ женскія руки.

Офицерское отдѣленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ: палаты съ койками, общей столовой и пріемной. Обстановка здѣсь скромная, но очень изящная. Къ офицерскому отдѣленію примыкаетъ кабинетъ съ рентгеновскимъ аппаратомъ, столь необходимымъ для военнаго госпиталя, большая часть пациентовъ котораго — раненые, нуждающіеся въ хирургическомъ вмѣшательствѣ.

Офицерское отдѣленіе пока, какъ мы уже сказали, пусто. Въ отдѣленіи для нижнихъ чиновъ имѣются уже пациенты. Тамъ кипитъ уже дѣятельная госпитальная жизнь, бѣгаютъ санитары, мелькаютъ бѣлоснѣжныя платья сестеръ милосердія, и тихо двигаются въ длинныхъ желтоватыхъ халатахъ раненые.

Для нижнихъ чиновъ въ госпиталѣ имѣются шесть отдѣленій:

четыре хирургических и два терапевтических. Устроены всё они по одному и тому же типу.

Мы входимъ въ свѣтлый и довольно широкій корридоръ, стѣны котораго украшены гравюрами и картинами. Въ корридоръ выходятъ съ одной стороны двери палатъ; по стѣнамъ — скамьи и стулья, а посреди корридора столы. Солдатское отдѣленіе не имѣетъ особой столовой, и пациенты обѣдаютъ или въ своихъ камерахъ (тяжело раненные и больные), или же въ свѣтломъ и просторномъ корридорѣ. Стѣны выкрашены свѣтлой масляной краской, и общее впечатлѣніе чистоты, свѣжести и щепетильной опрятности здѣсь какъ будто даже усиливается блескомъ этой краски и яркимъ солнышкомъ, которое заглядываетъ въ корридоръ изъ большихъ оконъ. Кромѣ палатъ въ корридоръ выходитъ въ каждомъ отдѣленіи общая ванная комната, въ которой виднѣются полуодѣтыя, съ накинутыми на плечи халатами, фигуры пациентовъ. Сейчас, около часа пополудни, они купаются, а затѣмъ обѣдаютъ. Въ кор-

У одного разбито бедро, и онъ неподвижно лежитъ на койкѣ, весь до самаго носа закутанный во что-то бѣлое. Другой — съ интеллигентнымъ, невозможнымъ и грустнымъ лицомъ полудлежитъ, обѣдая у себя въ камерѣ, и жалуется на ногу, или, вѣрнѣе, на жалкій остатокъ ноги. Шальная пуля разбила ему кость выше колѣна въ то время, когда онъ лежалъ въ цѣпи, готовясь идти брать Путиловскую сопку. Цѣлый день онъ былъ въ жаркомъ огнѣ; пули вились кругомъ, словно комары, но его не тронули; а, вотъ, вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, вдругъ, откуда ни возьмись, пуля ударила въ ногу, онъ остался лежать въ грязи, на холодѣ, на полѣ сраженія, и пролежалъ безъ всякой помощи 15 часовъ. Потомъ его нашли и забрали свои санитары: устроили изъ ружей и полотнища палатки — носилки и понесли... Тяжело было ему: лежать неудобно, голова болтается, нога болитъ. Около Читы гдѣ-то въ пути сдѣлали операцію, и слава Богу, не всю ногу отняли, какъ собирались-было, а немножко — вершка съ три оставили!..

Эвакуаціонный госпиталь имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны въ С.-Петербургѣ. Въ корридорѣ. По фот. авт. «Нивы».

ридорахъ накрыты столы и за столами то по двое, то цѣлыми компаніями сидятъ все тѣ же свѣтло-желтые халаты. У многихъ изъ раненныхъ исхудалыя, измученныя лица: видно, что они не успѣли еще «отойти» и оправиться здѣсь на покой отъ мытарствъ и мученій долгой ѣзды и мыканья по этапнымъ госпиталямъ. У нѣкоторыхъ виднѣются повязки; другіе бродятъ на костыляхъ. Страшная печать войны и вызванныхъ ею страданій лежитъ почти на всѣхъ этихъ блѣдныхъ, неслышно мелькающихъ въ своихъ туфляхъ и халатахъ, фигурахъ, и невольно вспоминаются слова генерала Стесселя: «Люди стали тѣнями...»

Вотъ, напримѣръ, предъ нами молоденькій, коренастый солдатъ съ пробивающимися усами, черноволосый и румяный. Правая рука его безжизненно виситъ на повязкѣ, и вся синяя, неестественнаго, несвойственнаго человѣческому тѣлу цвѣта.

— Что у тебя съ рукой?

— Шрапнелью перешибло... Въ мукденскомъ бою...

— Сильно ударило?

— Да, какъ хватило, такъ опѣшили... А потомъ ничего!

И, какъ ни въ чемъ не бывало, смѣется, ковыряя непривычно къ этому дѣлу лѣвой рукой козлету. А сестра милосердія, отойдя съ нами въ сторону, сообщаетъ намъ, что у бѣдняги перебитъ нервъ, что нервъ этотъ пытались сросить, но не удалось.

А вотъ высокій согнувшійся, изможденный солдатъ. Онъ ходитъ, опираясь всей грудью на костыли, и при этомъ все время трясется. У него была повреждена почка, почку вынули, но такъ какъ у него тоже задѣтъ какой-то нервъ, то онъ не можетъ оставаться въ неподвижности, и его непрерывно трясетъ и дергаетъ.

А вотъ и совсѣмъ тяжелые пациенты:

— Выздоровливайте поскорѣе!

— Покорнѣйше благодаримъ!

И такая покорность, такая грустная безнадежность во взглядѣ!

Въ камерѣ у него, да и во всѣхъ другихъ камерахъ солдатскаго отдѣленія, очень уютно и просторно. Койки ничуть не хуже и не проше офицерскихъ. Бѣлье превосходное. Чистота и изищество постелей на первыхъ порахъ даже смущаютъ пациентовъ, не привыкшихъ къ такой роскоши: имъ кажется неловко и неприлично мять такія свѣжія и аккуратныя простыни и одѣяла.

Въ терапевтическихъ отдѣленіяхъ совершенно такая же обстановка и расположеніе корридоровъ и камеръ, какъ въ хирургическихъ. Оба терапевтическихъ отдѣленія помѣщаются въ отдѣльномъ зданіи, совершенно изолированно отъ прочихъ помѣшеній госпиталя.

Характеръ и типы пациентовъ здѣсь нѣсколько иные. Пациенты хирургическихъ отдѣленій — закаленные, побывавшіе въ огнѣ и во вражій передѣлкѣ воюки. Терапевтики же по большей части и на войнѣ не успѣли побывать. Они захворали или обнаружили какую-либо хроническую болѣзнь еще въ пути на Дальній Востокъ и были возвращены обратно въ Россію, не понявше пороха. Лишь очень немногіе изъ нихъ успѣли «постоять на позиціяхъ». Поэтому въ нихъ какъ-то меньше воинственности и воинской выправки. По большей части, это или ревматика, или одержимые пороками сердца или болѣющие страданіями почекъ. И среди нихъ есть тяжело больные, неподвижно лежащіе въ камерѣ съ задернутыми отъ солнечнаго свѣта окнами...

Скучно живетъ пациентамъ госпиталя! Кормятъ ихъ отлично, помѣщеніе у нихъ уютное, чистое, врачи и сестры милосердія обращаются съ ними, какъ съ любимыми дѣтьми, но все-таки людямъ,

Эвакуационный госпиталь имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны въ С.-Петербурѣ. Общяя хирургическая палата. По фот. К. Вудга, авт. «Нивы».

Эвакуационный госпиталь имени Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны в С.-Петербурге. Больные за обедом. По фот. К. Будда, арт. «Нивы».

Командиръ подполк. Аксеновъ и офицеры 3-го батальона 3-го вост.-сиб. стрѣлковаго полка съ фельд-фебелемъ 10 роты, находящимся на службѣ 32 года.

По фот. авт. «Нивы».

привыкшимъ къ дѣятельному труду, госпитальное бездѣйствіе кажется тяжелымъ. И поэтому всякому посѣщенію они до крайности рады и въ особенности радуются книжкамъ и газетамъ. По этой части въ госпиталь однако большая недохватка: изъ журналовъ имѣется лишь «Нива», а изъ газетъ—4 экземпляра «Русской Газеты».

Узнавъ, что о нихъ будетъ «прописано» въ «Нивѣ», пациенты одной изъ палатъ хирургическаго отдѣленія выказали живѣйшую радость, тѣмъ болѣе, что съ «Нивой» они хорошо знакомы.

Ранѣ этого большую сенсацию среди нихъ произвелъ фотографъ К. К. Булла, явившійся снимать виды госпиталя (Виды эти воспроизведены въ настоящемъ № «Нивы»).

Командиръ подполк. Федоровъ и офицеры 2-го батальона 3-го вост.-сиб. стр. полка. По фот. авт. «Нивы».

3-й вост.-сиб. стрѣлк. полкъ. Офицеры 1-го батал. съ командиромъ батал. подполковникомъ Кузьминымъ. По фот. авт. «Нивы».

— Вотъ, мы боимся, кабы лица у насъ не вышли неправильными! — заявилъ одинъ изъ нихъ, упомянувъ о фотографированіи.

Оказалось, что г. Булла снималъ ихъ при магніи; вспышка магнія ошеломила ихъ, и пациенты боялись, что выйдутъ на фотографіи съ испуганными лицами, что для храброго солдата не очень-то удобно!

— Мы думали, взрывъ произошелъ! — смѣялись солдаты.

— Какъ же это вы на войнѣ ни шрапнели, ни гранаты не боились, а тутъ вдругъ струсили? — укорила ихъ старшая сестра милосердія, А. П. Филипова.

— Тамъ, сестрица, совсемъ другое дѣло! А тутъ никакъ не ожидали..

Несмотря на грустныя

картины физическихъ страданій, ампутированныхъ членовъ, повязокъ и изможденныхъ лицъ, общее впечатлѣніе отъ посѣщенія госпиталя остается бодрое и нисколько не угнетающее. Видимое дѣло, раненые наслаждаются здѣсь покоемъ, удобствомъ и чистотою послѣ мученій, вынесенныхъ тамъ «на позиціяхъ» и въ теченіе долгаго пути въ «Россію». У легко раненыхъ и поправляющихся настроеніе даже совершенно жизнерадостное: словно свѣтъ здѣсь увидѣли послѣ ужасовъ и мученій войны!

Дай же Богъ имъ поскорѣе оправиться въ уютной и цѣлебной обстановкѣ госпиталя и отдохнуть отъ всего пережитаго.

Набѣгъ отряда Мищенко на Инкоу.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Въ самомъ концѣ истекшаго года совершенно былъ геройскій набѣгъ отряда Мищенко, окончившійся взрывомъ желѣзной дороги между Дашичао — Инкоу и сожженіемъ провіантскихъ складовъ у Инкоу.

Приводимъ письмо одного изъ участниковъ этого похода:

«26-го декабря выступило насъ 72 сотни при двухъ батареяхъ въ тылъ неприятеля подъ начальствомъ генерала Мищенко. Переночевавъ въ д. Ашанюрѣ, мы, 28-го, столкнулись съ японцами на рѣкѣ Хунхэ. Съ японцами здѣсь были и хунгузы подъ начальствомъ Тулсана. Въ авангардѣ шель Дагестанскій полкъ, который, бросившись въ атаку, сбилъ неприятеля, потерявъ самъ одного офицера убитымъ и двухъ нижнихъ чиновъ ранеными. Дальше отрядъ двинулся къ Нючжоуну, гдѣ была уничтожена японская рота и взято въ плѣнъ 8 японцевъ. И, наконецъ, 30-го подошли къ Инкоу. Здѣсь Терско-Кубанскій полкъ былъ посланъ для порчи желѣзной дороги между Инкоу и Дашичао. Полкъ выдѣлилъ авангардъ въ

2 сотни подъ начальствомъ есаула Бѣлогорцева и двинулся по назначенію. Авангардъ, не доходя 3-хъ верстъ до полотна желѣзной дороги, видѣлъ мчащійся поѣздъ по направленію въ Инкоу изъ Дашичао. Замѣтивъ это, Бѣлогорцевъ съ своимъ отрядомъ на рыскахъ бросился къ деревнѣ — у самого полотна желѣзной дороги.

Но поѣздъ успѣлъ одновременно подойти туда же и открылъ по всадникамъ огонь съ платформъ. Платформъ было 16, и на каждой отъ 60 — 70 человекъ. Стрѣляли японцы съ платформъ лежа, немногіе стрѣляли стоя.

Полкъ терско-кубанцевъ спѣшилъ къ своимъ на помощь, но, встрѣченный огнемъ, на рыскахъ отступилъ. Но отрядъ Бѣлогорцева, спѣшившись за фанзами, открылъ огонь по платформамъ залпами, затѣмъ пачками. Не выдержавъ огня, поѣздъ двинулся въ Инкоу. Всадники бросились къ полотну. Но портить его было нечѣмъ. Выюкъ находился при полку. Осталось одно: рубить кинжалами телеграфные столбы и наваливать камни на полотно. Но вотъ и выюкъ саперный прибылъ. Пироксилиномъ начали взрывать рельсы въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и получили приказъ къ отступленію. Отступая, отрядъ видитъ: отъ Инкоу летитъ

Есауль Бѣлогорцевъ.

Осетинская сотня, во главѣ съ есауломъ Бѣлогорцевымъ, принимавшая участіе въ набѣгѣ на Инкоу.
По фот. авт. «Нивы».

1) Генер.-майоръ князь Орбеліани, командиръ Дагестанскаго отряда, отправленнаго на Дальній Востокъ, 2) Полковникъ Ханъ-Нахичеванскій, командиръ Дагестанскаго полка, 3) Князь Д. З. Чавчавадзе, 4) Глonti, 5) Подполк. князь Тумановъ, 6) Шереметевъ, 7) Кобіевъ, 8) Чавчавадзе, 9) Кусовъ, 10) Ген.-лейтен. З. Чавчавадзе, 11) Е. П. Шереметева.

2-й Дагестанскій конный полкъ. По фот. авт. «Нивы».

Поручикъ 13-го вост.-сиб. стр. полка В. В. Левинка, раненый при отбитии штурма высокой горы въ Портъ-Артуръ 9-го августа контузженъ. 15-го декабря.

Поруч. 26-го вост.-сиб. стр. полка Е. К. Сингевичъ, убитый 2-го декабря въ Портъ-Артуръ въ одномъ казематъ съ генер. Кондаденко

Подпоручикъ 27-го вост.-сиб. стр. полка Р. Я. Нечай, убитый на высокой горѣ въ Портъ-Артуръ.

Подпоручикъ 14-го вост.-сиб. стр. полка Е. И. Ахсановъ, убитый въ Портъ-Артуръ.

Лейтенантъ А. И. Смирновъ, раненый 10-го июня въ Портъ-Артуръ въ пльну въ Мауямъ.

Лейтенантъ Л. Н. Зельгеймъ, убитый на передовыхъ позиціяхъ въ Портъ-Артуръ.

Мичманъ В. Соимонсъ, убитый въ Портъ-Артуръ при штурмъ высокой горы. За храбрость и самоотверженіе въ дѣлахъ съ неприятелемъ былъ награжденъ орденомъ Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ и Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

Мичманъ Бершадскій, убитый при штурмъ высокой горы въ Портъ-Артуръ.

Мичманъ Н. Н. Алексеевъ, убитый при штурмъ высокой горы въ Портъ-Артуръ.

Лейтенантъ В. А. Сиденснрь, командиръ 13-й роты Квантунскаго флотскаго экипажа, убитый 23-го ноября 1904 г. при штурмъ высокой горы.

Подполковникъ баронъ И. Р. Мирбахъ, убитый въ бою у дер. Сн-ночь.

Группа офицеровъ 60-го Замостьскаго полка (8-го армейскаго корпуса), принимавшаго участіе въ послѣднихъ сраженіяхъ. По фот. авт. «Нивы».

Командиръ 33-го вост.-сиб. стр. полка подполковникъ А. Н. Буничъ, контузженный у деревни Сандену.

Командиръ 2-го бат. 3-го мортир. полка подполковникъ Д. Д. Фелченко, награжденный орд. св. Георгія 4-й ст.

Подполковникъ 6-го стр. пѣхотн. полка А. М. Емельяновъ, убитый 15-го января.

Подполковникъ 2-го вост.-сиб. стр. полка М. М. Лисевичъ, раненый 14-го января при Сандену.

Капитанъ 148-го каспійскаго пѣх. полка С. З. Домбровский, убитый 1-го октября при атакѣ Тонсахай-синхъ высотой.

Капитанъ 285-го миенскаго пѣх. полка С. И. Бонещкинъ, раненый 29-го сентября.

Штабсъ-капитанъ 20-й конно-артилерійской батарееи Е. Ф. Рагоза, раненъ Ляоянъ и сконч. въ дюрени-скомъ госпиталѣ въ Харбинѣ.

Генераль-отъ-инфантеріи М. И. Батяновъ, назначенный командующимъ третьей арміей.

паровозъ въ Дашичао — вѣроятно, съ донесеніемъ блокады Инкоу, и, долетѣвъ къ мѣсту порчи, опрокинулся. Послѣ неудачнаго штурма Инкоу полковникомъ Хорановымъ, отрядъ отступилъ.

Герою этого набѣга, есаулу Бѣлогорцеву, 50 лѣтъ. Онъ назначенъ на войну командовать Осетинской сотней, какъ человекъ хорошо знакомый съ языкомъ

осетинъ и ихъ обычаями. Назначеніе это вполнѣ совпадало съ желаніями всадниковъ сотни, такъ какъ есаулъ и въ мирное время часто приглашался, какъ казачьимъ такъ и горскимъ населеніемъ, для разрѣшенія различныхъ семейныхъ и общихъ вопросовъ. Признательность же населенія выразилась въ небывалыхъ еще въ нашихъ краяхъ проводахъ есаула Бѣлогорцева. Русское и туземное населеніе провожало своего односельчанина нѣсколько верстъ за станицу громадною толпой.

Р. А. Хрещатицкій. (Портр. на стр. 238).

Высочайшимъ приказомъ отъ 14-го ноября прошлаго года на вакантную должность командующаго войсками Приамурскаго военнаго округа и войскового наказнаго атамана Приамурскихъ казачьихъ войскъ назначенъ генераль-отъ-кавалеріи Ростиславъ Александровичъ Хрещатицкій.

Р. А. Хрещатицкій—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ на-

Отступленіе отъ Мукдена съ боемъ. Нашъ арьергардъ, отстрѣливающийся отъ японцевъ. Рис. по фот. М. Шельдонъ, авт. «Нивы».

Въ дни Мукденскихъ боевъ. Очищеніе Мукдена. Рис. Л. Сабатье, авт. «Нивы».

Генераль-майоръ Д. Д. Кузьминъ-Караваевъ, назначенный товарищемъ генераль-фельдцейхмейстера.

Командующий войсками Приамурскаго военнаго округа, наказной войсковоу атаманъ Приамурскаго каз. войска генераль-отъ-навалеріи Р. А. Хрещатицкій.

шихъ боевыхъ генераловъ и военныхъ администраторовъ. Его имя часто упоминается въ исторіи русско-турецкой войны 1877—78 гг., въ которой онъ принималъ видное и дѣятельное участіе. Назначеніе его на важный постъ командующаго войсками Приамурскаго военнаго округа вполне соотвѣтствуетъ его долготной административной опытности и практическимъ военнымъ познаніямъ, и дастъ ему возможность вполне развернуть все свои силы и способности и въ полной мѣрѣ послужить родинѣ въ тяжелое переживаемое ею время.

Р. А. Хрещатицкій—уроженецъ Новониколаевской станицы земли Войска Донскаго. Родился онъ въ 1841 году. По окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ онъ былъ произведенъ въ 1861 году въ офицеры и былъ назначенъ на службу въ донской казачій полкъ на Кавказѣ. Въ 1871 году онъ имѣлъ уже чинъ полковника и былъ въ этомъ чинѣ прикомандированъ къ учебному кавалерійскому

Медицинскій персоналъ пловучаго госпиталя „Кострома“. По фот. І. М. Шнейдера, авт. «Нивы».

эскадрону для прохожденія курса. Въ 1873 году Р. А. получилъ назначеніе на должность командира 27 донскаго казачьяго полка (переименованнаго потомъ въ 12 донской казачій полкъ), и когда вспыхнула русско-турецкая война, онъ участвовалъ со своимъ полкомъ, находясь въ составѣ рущукскаго отряда, во многихъ дѣлахъ съ турками: при деревнѣ Обертеникѣ, при Черноводахъ, Красномъ, Кадыкиѣ и др.

Въ 1880 г. Р. А. Хрещатицкій получилъ чинъ генераль-майора, а въ 1881 г. былъ назначенъ командиромъ 2 бригады 6 кавалерійской дивизіи. Спустя семь лѣтъ, а именно въ 1888 г., онъ состоялъ окружнымъ начальникомъ Таганрогскаго округа земли Войска Донскаго. Послѣ того Р. А. Хрещатицкому довелось командовать 14 армейскимъ корпусомъ, при чемъ

Пловучій госпиталь „Кострома“ передъ отплытіемъ изъ Одессы. По фот. І. М. Шнейдера, авт. «Нивы».

Въ текущемъ году онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи.

Въ разное время Р. А. Хрещатицкій состоялъ членомъ въ комитетъ по устройству и образованію войскъ и, кромѣ того, участвовалъ въ особыхъ казачьихъ комиссияхъ по разнымъ специальнымъ вопросамъ.

Д. П. Дохтуровъ. (Портр. на этой стр.)

12-го марта неожиданно скончался одинъ изъ старѣйшихъ и славнѣйшихъ нашихъ боевыхъ генераловъ, членъ Военнаго совѣта Дмитрій Петровичъ Дохтуровъ. Покойный долженъ былъ въ непродолжительномъ времени выѣхать на Дальній Востокъ, чтобы стать тамъ во главѣ крупной части нашей дѣйствующей арміи, но смерть подкралась къ нему совершенно внезапно въ зданіи главнаго штаба, гдѣ его постигъ ударъ.

Д. П. Дохтуровъ окончилъ курсъ въ пажескомъ корпусѣ и на службу вступилъ въ Кавалергардскій полкъ. Еще будучи поручикомъ, онъ уже получилъ боевое крещеніе и рану въ одномъ изъ сраженій кампаніи 1860—62 гг.

Затѣмъ Д. П. поступилъ въ николаевскую академію генеральнаго штаба, окончивъ курсъ которой, занялъ должность начальника штабовъ 5 и 7 кавалерійскихъ дивизій, а позднѣе—состоялъ въ распоряженіи командующаго войсками виленаго военнаго округа. Съ 1868 по 1875 г., Д. П. управлялъ канцеляріей по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ въ Западномъ краѣ, а одновременно съ этимъ съ 1870 г. командовалъ уланскимъ владимірскимъ полкомъ.

Когда вспыхнула война 1877—78 гг., Д. П. Дохтуровъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ командира первой бригады 33 пѣхотной дивизіи и участвовалъ въ славныхъ бояхъ у Трестеника и Мечки, закончившихся, какъ извѣстно, разгромомъ турецкой арміи.

Послѣ войны Д. П. Дохтуровъ командовалъ бригадами 16 и 2 гвар-

дейской кавалерійской дивизіи, а затѣмъ этой же и нѣкоторыми другими дивизіями и 11 армейскимъ корпусомъ.

Съ 1900 года онъ занималъ въ теченіе одного года должность помощника командующаго войсками одесскаго военнаго округа, а позднѣе былъ назначенъ членомъ Военнаго совѣта.

Въ этой послѣдней должности Д. П. Дохтурова и застала нынѣшняя война. Несмотря на свои преклонные годы (въ этомъ году ему исполнилось 70 лѣтъ), покойный страстно стремился къ новой боевой дѣятельности и рвался на Дальній Востокъ неудержимо.

Но смерть не дала ему возможности осуществить его горячее стремленіе и пришла къ нему не на полѣ битвы, а въ мирной обстановкѣ. И не только до слѣдующей войны, но и до активной дѣятельности въ этой войнѣ не дожидъ славный маститый воинъ.

П. О. Бобровскій.

(Портр. на стр. 240).

3-го февраля скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ военныхъ дѣятелей, сенаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи П. О. Бобровскій. Покойному принадлежитъ крупная заслуга въ дѣлѣ преобразованія и развитія военнаго образованія въ Россіи, какъ средняго, такъ отчасти и высшаго: П. О. Бобровскій много потрудился надъ созданіемъ цѣлой сѣти окружныхъ юнкерскихъ училищъ при Д. А. Милютинѣ, а также надъ преобразованіемъ въ современное образованіе высшее учебное заведеніе военно-юридической академіи. Онъ состоялъ въ теченіе 21 года главою этой академіи и сумѣлъ, въ свое время, привлечь къ преподаванію въ ней выдающихся ученыхъ (напримѣръ, Неклюдова и Кавелина), а въ своихъ воспитанникахъ оставилъ за все это время самое лучшее воспоминаніе о себѣ, какъ о замѣчательномъ, достойномъ всякаго уваженія, начальникѣ-педагогѣ.

Павелъ Осиповичъ Бобровскій родился въ 1832 г. Образованіе получилъ въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ Нико-

Генералъ-отъ-кавалеріи Д. П. Дохтуровъ († 12 марта 1905 г.).
По фот. Д. Здобнова авт. «Нивы».

Командантъ Владивостокской крѣпости генералъ-лейтенантъ Г. Н. Казбекъ.

Походныя хлѣбопекарни. Рис. О. Герлаха, авт. «Нивы».

лаевской академіи генеральнаго штаба, которую окончили по первому разряду. Въ службу покойный вступилъ въ 1851 г. и участвовалъ въ чинѣ прапорщика въ кампаніи 1853—54 гг. Съ 1864 по 1875 г. онъ состоялъ для особыхъ порученій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ—начиная съ 1875 и по 1897 г. занималъ должность начальника военно-юридической академіи. Въ 1897 г. П. О. Бобровскій былъ назначенъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, а годомъ ранѣе—въ 1896 г.—произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Такъ какъ большая часть служебной дѣятельности П. О. Бобровскаго прошла въ стѣнахъ военно-юридической академіи, то онъ невольно сроднился съ ней, и дѣятельность его въ качествѣ руководителя этого заведения наложила извѣстную окраску на всю его жизнь. Слѣдуетъ замѣтить, что, будучи начальникомъ военно-юридической академіи, П. О. Бобровскій въ то же время счелъ для себя необходимымъ детально ознакомиться съ ея курсомъ и для этого фактически вступилъ въ ряды ея слушателей и въ теченіе трехъ лѣтъ прослушалъ весь курс академіи. Прослушанный курс и тѣсное знакомство съ профессорскою средою вызвали у покойнаго желаніе самостоятельно работать на поприщѣ науки. Онъ избралъ область специальныхъ историческихъ изслѣдованій и началъ эту новую для себя дѣятельность съ изученія военнаго законодательства Густава Адольфа и Петра Великаго. Печатные труды по этимъ вопросамъ, появившіеся въ свое время, обратили на себя вниманіе специалистовъ и имѣли серьезный успѣхъ.

Послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни П. О. Бобровскій занимался изученіемъ русской военной исторіи, составлялъ по первоисточникамъ исторіи различныхъ полковъ и съ необычайной тщательностью и добросовѣтностью прослѣдилъ въ своихъ многотомныхъ трудахъ постепенное развитіе русскихъ вооруженныхъ силъ.

П. О. Бобровскому, такимъ образомъ, принадлежить крупная заслуга въ этомъ отношеніи, какъ одному изъ наиболее замѣчательныхъ нашихъ военныхъ историковъ.

Покойный былъ почетнымъ членомъ военно-юридической академіи и въ теченіе многихъ лѣтъ принималъ видное участіе въ дѣятельности Императорскаго русскаго географическаго общества. Видную роль игралъ онъ, кромѣ того, и въ городскомъ самоуправленіи г. Петербурга, при чемъ старательно ратовалъ за проведеніе въ городскую думу интеллигентныхъ гласныхъ въ противовѣсь пресловутой «черной сотнѣ». И всѣ эти многочисленные и многообразныя занятія покойнаго велись имъ съ такой энергіей и жизненной бодростью, что не хотѣлось вѣрять въ глубоко преклонные годы его. Даже за послѣднее время, уже безнадежно сломленный тяжкою болѣзью, онъ не покидалъ своихъ занятій.

Много людей поминуть покойнаго П. О. Бобровскаго добрымъ словомъ.

Н. Д. Малашкинъ. (Портр. на этой стр.).

2-го февраля въ г. Рязани скончался одинъ изъ замѣчатель-

ныхъ русскихъ педагоговъ и общественныхъ дѣятелей, преподаватель мѣстной гимназіи, Николай Дмитриевичъ Малашкинъ.

Н. Д. Малашкинъ среди современнаго педагогическаго безвременья былъ удивительно яркимъ и цѣлостнымъ типомъ педагога съ искрой Божіей, съ отзывчивой и творческой душой. Братъ извѣстнаго композитора, Л. Малашкина, и прекрасный музыкантъ самъ, онъ вложилъ въ свою дѣятельность много гармоничности и въ переносномъ, и даже въ прямомъ смыслѣ слова, такъ какъ очень любилъ музыку и основалъ прекрасный ученическій оркестръ.

Покойный родился въ 1841 году. Окончивъ курсъ московскаго коммерческаго училища и московскаго университета, онъ занялъ въ 1881 году мѣсто преподавателя математики и географіи въ рязанской мужской прогимназіи и въ теченіе 24-хъ лѣтъ не покидалъ этой дѣятельности. Благодаря его содѣйствію и энергичнымъ хлопотамъ, прогимназія превратилась потомъ въ гимназію и привлекла множество учащихся. Въ послѣдній годъ Н. Д. Малашкинъ открылъ даже собственную прогимназію, такъ что за нимъ остается честь рѣдкой у насъ въ Россіи частной инициативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Н. Д. Малашкинъ былъ педагогомъ совершенно исключительнымъ уже по одной той обстановкѣ, которую онъ создавалъ для своего преподаванія. Такъ, въ свободное отъ занятій время онъ рисовалъ для учениковъ картины по естественной исторіи и географическія карты, и устраивалъ для учениковъ занимательные вечера, для которыхъ писалъ историческія картины и разыгрывалъ предъ этими картинами цѣлыя диалогическія сцены, сопровождавшіяся музыкой. Н. Д. игралъ на скрипкѣ и дирижировалъ ученическимъ хоромъ. Музыка для хоровъ komponировалась тоже имъ самимъ.

Прекрасно зная русскую исторію, Н. Д. Малашкинъ задался цѣлью поставить на народномъ театрѣ картины изъ этой исторіи домословскаго періода. Онъ находилъ, что слѣдуетъ знакомить народъ съ исторіей своего отечества не по сухимъ учебникамъ, а въ живыхъ образахъ. Къ сожалѣнію, онъ поздно взялся за дѣло и успѣлъ написать только 4 былинны: «Мудрѣйшая отъ челоуѣкъ», «Святославъ - богатырь, князь кievскій», «Рогаяда» и «Ярославъ Мудрый и Святлополькъ». Кромѣ того, онъ составилъ специально для народныхъ чтеній и диалогическаго разсказа: «Откуда пошла земля русская». Незадолго до кончины, покойный написалъ былинку: «Весна-красна» (аллегорія японской войны) и посвятилъ ее Ц. Кюи, который положилъ ее на музыку. Послѣднимъ дѣломъ Н. Д. Малашкина въ концѣ его жизни было основаніе ученическаго струннаго оркестра, который былъ организованъ имъ въ теченіе одного года.

Покойный пользовался горячею, задушевною любовью дѣтей. Когда его хоронили, то за гробомъ шло болѣе трехсотъ учащихся, и скорбь ихъ была безпредѣльна. Умеръ истинный другъ ихъ, равнаго которому, можетъ-быть, долго не отыщется среди представителей нашего педагогическаго міра.

Генералъ-отъ-инфантеріи П. О. Бобровскій († 3 февраля 1905 г.).

Н. Д. Малашкинъ († 2 февраля 1905 г.).

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе). — Въ гостяхъ у раненыхъ. — Набѣгъ отряда Мищенко на Инкоу. — Р. А. Хрещатицкій. — Д. П. Доктуровъ. — П. О. Бобровскій. — Н. Д. Малашкинъ. — Заявленіе. — Объявленія.

РИСУНКИ: Сестры. — Богоматерь съ Младенцемъ. — Ангелъ Благовѣстія. — Дѣтскій садъ. — Заводъ для выдѣлки ханшина (туземной водки) въ Мукденѣ. — Эвакуаціонный госпиталь имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны въ С.-Петербургѣ. 1) Хирургическая палата на 2-хъ больничныхъ. 2) Въ корридорѣ. 3) Общая хирургическая палата. 4) Больные за обѣдомъ. — Командиръ подполковникъ Аксеновъ и офицеры 3-го батальона 3-го вост.-сиб. стрѣлковаго полка съ фельдфебелемъ 10 роты, находящимся на службѣ 32 года. — Командиръ подполковникъ Федоровъ и офицеры 2-го батальона 3-го вост.-сиб. стр. полка. — 3-й вост.-сиб. стрѣлк. полкъ. — Осетинская сотня, во главѣ съ есауломъ Българцевымъ, принимавшая участіе въ набѣгѣ на Инкоу. — 2-й Дагестанскій конный полкъ. — Поручикъ В. В. Левичкій. — Поручикъ Е. К. Синкевичъ. — Подпоручикъ Р. Я. Нечай. — Подпоручикъ Е. И. Аксаковъ. — Лейтенантъ А. И. Смирновъ. — Лейтенантъ Л. Н. Зельгельмъ. — Мичманъ В. Соймоновъ І. — Мичманъ Бершадскій. — Лейтенантъ В. А. Синденеръ. — Группа офицеровъ 60-го Замостскаго полка (8-го армелскаго корпуса), принимавшаго участіе въ послѣднихъ сраженіяхъ. — Мичманъ Н. Н. Алексѣевъ. — Подполковникъ баронъ И. Р. Мирбахъ. — Подполковникъ А. Н. Буининъ. — Подполковникъ Д. Д. Федченко. — Подполковникъ А. М. Емельяновъ. — Подполковникъ М. М. Лисевичъ. — Капитанъ С. З. Добровскій. — Капитанъ Е. І. Бенедикъ. — Штабсъ-капитанъ Е. Ф. Рагоза. — Генералъ-отъ-инфантеріи М. И. Батяновъ. — Отступленіе отъ Мукдена съ боемъ. — Во дни Мукденскихъ боевъ. Очищеніе Мукдена. — Генералъ-майоръ Кузьминъ-Караваевъ. — Генералъ-отъ-кавалеріи Р. А. Хрещатицкій. — Медицинскій персоналъ пловучаго госпиталя „Кострома“. — Пловучій госпиталь „Кострома“ передъ отплытіемъ изъ Одессы. — Генералъ-отъ-кавалеріи Д. П. Доктуровъ. — Генералъ-лейтенантъ Г. Н. Назбекъ. — Походныя хлѣбопекари. — Генералъ-отъ-инфантеріи П. О. Бобровскій. — Н. Д. Малашкинъ.

Нъ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 26 (конецъ IX т.).

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе останковки въ высылкѣ №№ журнала, Контора «Нивы» проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1905 г., озаботиться своевременными взносами подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки. — Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

За издателя Л. Ф. Марксъ.

За редактора В. И. Свѣтловъ.